

початок. Духовність як така постає в релігії й критерієм цілісності. Розгляд релігії в якості цілісної системи дозволяє більш глибоко і ефективно вирішувати теоретичні та методологічні проблеми сучасного релігієзнавства.

Список літератури

1. Каган, М.С. Проблемы методологии. /М.С. Каган. – Избранные труды в VII томах. – Т. 1. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2006. – 356 с.

2. Мюллер, М. Введение в науку о религии: Четыре лекции, прочитанные в Лондонском Королевском институте в феврале-марте 1870 г./М. Мюллер. – М.: Университетская книга, 2002. – С. 14 – 15; 51 – 53.

3. Otto, R. Das Heilige. Uber das Irrationale in der Idee des Gottlichen und sein Verhaltnis zum Rationalen /R.Otto. – Bremen: Nachdruck, 2004. – P.150 – 301.

Л. Конотоп

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена анализу теоретико-методологических проблем современной религиоведческой науки. Рассматриваются такие проблемы, как становление религиоведения, соотношение предмета и объекта и др. Сделан вывод, что религиоведение является комплексной наукой, оно включает в себя историческое, антропологическое, социологическое, этнографическое, психологическое и др. знания о религии.

Ключевые слова: философия, методология, теория, религия, религиоведение, предмет, объект, сущность, феномен, эпифеномен, познания, наука

L. Konotop

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF RELIGIOUS STUDIES IN SPACE INFORMATION SOCIETY

The article analyzes the theoretical and methodological problems of modern religion. We consider such issues as religious formation, the ratio of subject and object and others. The conclusion is that religion is a complex science, it includes historical, anthropological, sociological, ethnographic, psychological, and others knowledge about religion.

Keywords: philosophy, methodology, theory, religion, religious, subject, object, essence, phenomenon, an epiphenomenon, knowledge, science

УДК 1(03)

В.И. Оноприенко

ГУСТАВ ШПЕТ: ВКЛАД В ФИЛОСОФИЮ, ЭТНОПСИХОЛОГИЮ, МЕТОДОЛОГИЮ ГУМАНИТАРИСТИКИ

Институт научно-технического потенциала и истории науки
им. Г.М. Доброва НАН Украины

Аннотация. Рассмотрены некоторые идеи и концепции из обширного наследия трагически погибшего российского философа Г.Г. Шпета (1879-1937).

Ключевые слова: герменевтика, феноменология, этнопсихология, философия истории, философия искусства, гуманитарные науки.

Введение

Густав Густавович Шпет (26 марта [7 апреля] 1879, Киев — 16 ноября 1937, Томск) — русский философ, психолог, теоретик искусства, переводчик философской и художественной литературы (знал 17 языков). Действительный член (1921) и вице-президент (1927—1929) Российской академии художеств.

Родился в Киеве как внебрачный ребёнок офицера австро-венгерской армии, словацкого графа по фамилии Кошиц и Марцелины Иосифовны Шпет из обедневшей польской дворянской семьи. В 1898 г. Густав Шпет окончил 2-ю киевскую гимназию и поступил в Киевский университет св. Владимира на физико-математический факультет. За участие в революционном студенческом движении он был исключён из университета и выслан из Киева.

В 1901 г., вернувшись после высылки, он снова поступил в университет, теперь на историко-филологический факультет, который закончил с дипломом 2-й степени в 1905 г. Его учителя в университете — выдающиеся профессора Е.Н. Трубецкой и Г.И. Челпанов, энтузиасты формировавшейся в то время объективной, экспериментальной психологии. После окончания университета Шпет два года работал учителем в частных гимназиях Киева.

Вслед за Челпановым Шпет в 1907 г. переехал в Москву, где читал лекции в Народном университете Шанявского, Высших женских курсах, Педагогическом институте. Ездил в Сорбонну, Эдинбург. В 1910 г. получил звание приват-доцента. В 1912—1913 годах стажировался в Гёттингенском университете. Слушал лекции Гуссерля по феноменологии. Результатом стажировки стала работа Шпета «Явление и смысл» [1], в которой представлена интерпретация гуссерлевских «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». Диссертация Шпета «История как проблема логики» была защищена в Московском университете в 1916 г. В этом же году он был избран профессором Высших женских курсов и приват-доцентом Московского университета.

Расширяется и круг его научных интересов, что впоследствии привело к повороту от экспериментальной психологии, которой он начал заниматься в Киеве под влиянием Челпанова, к философии, эстетике, лингвистике. В 1918—1921 годах Шпет — профессор историко-филологического факультета Московского университета; читал лекции по логике и педагогике, в 1921 г. возглавил созданный при факультете общественных наук 1-го Московского университета Институт научной философии.

Шпет внес большой вклад в создание Психологического института в Москве, в работу Государственной академии художественных наук, в психологическое образование. Работал над проблемами феноменологии, мысли и слова, внутренней формы слова, смысла, значения, сознания, этнопсихологии, психологии искусства, герменевтики, истории отечественной философии и образования. С 1932 г. он — проректор Академии высшего актёрского мастерства. Продолжал работу над «Историей как проблемой логики» [2], издал работы: «Внутренняя форма слова», «Эстетические фрагменты», «Введение в этническую психологию» и др. Еще в 1918 г. Шпет подготовил к публикации сочинение «Герменевтика и её проблемы», но работа была издана только в 1989—1991 годах.

В ночь с 14 на 15 марта 1935 г. был арестован. После окончания следствия был осуждён по статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР, приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Енисейск, затем по его просьбе переведён в Томск, куда прибыл 24 декабря 1935 г. Занимался переводами (переписка Шиллера с Гёте, «Три разговора...» Беркли и др.) Последняя работа Шпета: перевод «Феноменологии духа» Георга Гегеля (издана в 1959 г.). 27 октября 1937 г. арестован вторично, обвинён в участии в антисоветской организации и 16 ноября расстрелян. В 1956 г. был посмертно реабилитирован.

Анализ исследований и публикаций

Философские произведения Г.Г. Шпета начали публиковаться в России сравнительно недавно, в последнее десятилетие XX века, при активном содействии наследников. Как считал сам Шпет, для того, чтобы «голос автора зазвучал», нужен не только слушатель, читатель, но и интерпретатор. Интерпретация шпетовских идей в современной гуманитаристике идет активно, появилось множество статей, диссертаций, международных и российских конференций, посвященных творчеству Шпета. О нем пишут феноменологи, филологи, психологи, литературоведы и др. Идеи Шпета актуализируются и реализуются с учетом всех направлений гуманитарных исследований. Но наибольший интерес у современных исследователей вызывает его интеллектуальный опыт осмысления проблем герменевтики и феноменологии. Их методологические усилия были направлены на обнаружение и последующее фиксирование узловых моментов шпетовской проблематики. Среди современных работ особое значение приобретает монография В.Г. Кузнецова «Герменевтика и гуманитарное познание», в которой анализируется метод «феноменологической герменевтики» Шпета, диссертации, посвященные его творчеству [3, 4, 5]. Тем не менее задача актуализации идей Шпета, проблема включения их в современный научный и профессиональный контекст, популяризации этих идей, в особенности в интеллектуальном пространстве Украины остается открытой.

Основная часть

Раскрывая тему природы философского знания, Шпет доказывает, что, современная философия является знанием, но знанием специфическим как по отношению к другим видам знания, так и по от-

ношению к своим более ранним историческим формам (например, античной философии). При этом он убедительно показывает, что анализ историко-философского процесса, опирающийся на традиционное деление «материализм – идеализм», «объективный идеализм – субъективный идеализм», не выдерживает критики и безнадежно устарел. Современная философия по Шпету, существует в двух формах: *положительной и отрицательной*. Принципы первой были заложены Платоном, вторая приобретает наибольшее распространение после критической реформы Канта. Идеи указанных мыслителей являются поворотными пунктами в развитии философии, что вовсе не умаляет значения представителей номинализма и реализма в средневековой философии и сторонников эмпиризма и рационализма в более позднее время.

Отрицательная философия присваивает себе квалификацию научной философии, отличая тем самым себя от ненаучной, псевдофилософии. Невольно, обосновывая собственную научность, она апеллирует к завоевавшему заслуженный авторитет конкретным областям знания. И какие это области знания – математика, физика, психология, логика, – уже не столь важно, главное – потеря специфики философского знания, сводящейся к особенностям методов частных наук. Редукционизм и релятивизм являются неустранимыми моментами отрицательной философии.

Положительная философия является чистым знанием. Она начинается тогда, когда ее предметным полем, областью ее мудрствования становится мысль; мысль об истине, о бытии; не переживание истины, а рациональное исследование ее. Содержание положительной философии есть знание об основаниях нашего знания. Последние усматриваются интеллигибельной интуицией как предельные основания явлений (т.е. актов переживания предметов действительности или идей предметов). Содержание знания есть результат действия трех видов интуиции: эмпирии, рациональной (идеальной) и интеллигибельной. Первые две формируют идеальный мир сознания, третья «увязывает» результаты двух типов знания и обнаруживает свою специфику в уразумении предельных оснований, которые и являются подлинным предметом философии, определяют своей природой герменевтический и феноменологический характер положительной философии.

Центральная в творчестве Шпета идея положительной философии в разные периоды его жизни получала свое оформление в преимущественном интересе к проблемам логики, феноменологии, семиотики, поэтики, психологии и др. Он полагал, что в своей проблематике положительная философия исходит прежде всего из возможности обоснования всякой предметности. Она верит в доказательность, в способность подведения всего сущего под некоторое основание, превышающее обосновываемое. Это основание переходит в конечном итоге в предельную полноту – действительность, которая есть единым и единственным основанием всего сущего. Действительность – это первая и последняя задача положительной философии. От-

талкиваясь от совокупного опыта действительности, она должна вернуться к ней и оправдать ее, подтвердив непосредственную убежденность здравого смысла в реальности мира. Решение проблемы действительности (т.е. проблемы положительного обоснования всего сущего), как и средства этого решения, есть также части действительности, в связи с чем положительная философия не может не быть рефлектирующей в себя наукой, полагающей в качестве объектов своего обоснования сами основания.

Концепция, на которую опирается философия Шпета, может быть названа герменевтической феноменологией. Основной герменевтический труд Шпета «Герменевтика и ее проблемы» был закончен в 1918 г. В это время под герменевтикой обычно понимали искусство постижения смысла текста. Причем это искусство (умение, техника) было весьма специфично. Оно представляло собой прежде всего совокупность психологических приемов «проникновения» во внутренний мир автора текста. Этими приемами являлись эмпатия, вчувствование, сопереживание, вживание в историко-культурный мир, мысленное проникновение в творческую «лабораторию» автора. Так понимаемая герменевтика была психологически нагруженным методом исследования. И если ее трактовать только так, то вновь образованный термин «герменевтическая феноменология» будет с точки зрения содержания внутренне противоречивым. Шпет осознал, какие выводы из этого могут последовать. Но тем не менее основные его устремления связаны именно с идеей соединения герменевтики и феноменологии [6-8].

Данное направление связано с деятельностью Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и позднее Г.-Г. Гадамера. По мнению Шпета, смысл слова (высказывания, текста) объективен и может быть познан непсихологическими методами. Герменевтика как искусство постижения смысла должна с необходимостью включать в себя семиотические, логические и феноменологические приемы, которые направлены на постижение (понимание, но не «схватывание», не «вчувствование», не эмпатию) объективного смысла текста. Все остальные моменты структуры текста, навеянные психологическими особенностями личности автора, историческими и социальными условиями, являются внешними факторами, своеобразно влияющими на восприятие смысла текста. Они должны учитываться и включаться в исследование под общим названием «условия понимания», постижение которых обеспечивается историческим методом. Созданный текст «живёт» самостоятельной жизнью, его смысл уже не зависит от воли автора, он объективируется как вещь в себе и для нас.

Шпет подошел к самым истокам структуры предпонимания, но следующий шаг по независимым от него обстоятельствам был сделан не им, а М. Хайдеггером и несколько позднее Г.-Г. Гадамером. Но то, что было сделано Шпетом, составляет нетривиальный вклад в развитие герменевтического метода. С точки зрения Шпета, психологические и исторические методы в герменевтике были социально обусловленными приемами исследования, научными средствами постижения смысла в таких услови-

ях, когда не было еще семиотических средств, не существовали современные логико-семантические приемы, не был еще завершен феноменологический метод.

Поэтому герменевтика концептуально не сводится только к психологическому искусству, она лишь вынужденно была им из-за недостатка технического инструментария. Шпет чутко уловил движение герменевтической проблематики к преобразованию ее в новое философское направление со своей особой логикой, с собственными приемами исследования. Это философское направление адекватно соответствует природе философии, которая всегда интерпретационна, диалогична, а значит, герменевтична.

Для исследования проблемы понимания в герменевтике важно, что язык обладает независимым, внешним бытием, оказывает давление на человека, порождается имеющей внешней характер необходимостью общения и внутренними потребностями человеческого духа. Слово становится архетипом культуры и принципом ее анализа. Язык во многом определяет развитие духовного мира человека и внутренне содержит в себе мировоззренческое начало [9].

Введение герменевтических методов в феноменологию было обусловлено, с точки зрения Шпета, наличием в содержании феномена специфической функции осмысления. Осмысление как своеобразный самостоятельный акт требовало определенных средств для своего выполнения, для «прокладывания путей» к смысловым характеристикам идеи. Смысл как сущность сознания, как сложнейшее многоуровневое образование должен не только непосредственно усматриваться рациональной интуицией, как нечто очевидное, но и пониматься. Понимание как синтетическая функция разума обеспечивается истолкованием и интерпретацией. Именно так, через понимание и интерпретацию, герменевтическая проблематика в новом, рационализированном виде вливается в феноменологию [3].

Основой общего философского знания, по Шпету, может являться только жизненное (обыденное) знание, еще не ограниченное рамками рассудочного членения (как знание дотеоретическое). Однако рефлексивная критика сознания с позиций непосредственного опыта может осуществиться лишь при условии, что опыт берется в конкретной полноте его культурно-социальных содержаний, а не в его абстрактной форме восприятия "вещи". Его нельзя редуцировать к индивидуальному сознанию, которое само может быть выявлено только в широком социокультурном контексте.

Шпет был первым из философов феноменологического направления, кто обратился к проблемам познания исторической реальности. Историческую науку он понимает как «чтение слова» в его значащей функции. Основную философскую проблему при изучении истории он видит в истолковании, или герменевтике, раскрывающей смысл события. Смысл же открывается в «организующей направленности различных форм духа в их социальной функции: язык, культ, искусство, техника, право». Анализ форм сознания в их исторической конкретности и входит в круг основных задач Шпета.

Філософія історії Шпета строится на принципах раціоналізму, історизму і реалізму [2, 4]. Ці принципи являються основами «положителіної філософії», котра розглядає буття як органічне ціле і виділяє ідею, як первопричину всього сущого. Послідовно розвиваючи концепцію філософії як чистого знання, як строгої науки, представителі положителіної філософії, в том числі і Шпет, чітко відділяють від неї псевдонаукову філософію, базуючуся на принципах естествонаучної методології. Особу значимість для визначення онтологічних і гносеологічних основаній філософії історії Шпета має гегелівська концепція розвертвання історичного процесу, його логіка і методологія.

Феноменологія історії Шпета є прежде всего чисте описання історичної дійсності, котра виникає і розвивається разом з людиною. Тільки людина вносить в історію зміст, визначає себе в ній. Шпет зближає логіку історичної науки з методологією історичного дослідження. Він специфікує предмет історичної науки і пропонує дослідити цей предмет не з допомогою логіки об'єкта поняття, а з допомогою логіки змісту. Він послідовно розкриває сутність методів дослідження історичної реальності, вважаючи основопологаючими метод описання, об'яснення і порівняння. Кожен з них являється самостійним способом отримання достовірної інформації про історичну реальність, але тільки застосування цих методів в сукупності може розкрити підлинний зміст, дати виснажливу інтерпретацію історичних джерел. Після за П.Д. Юркевичем, А.І. Герценом, П.Л. Лавровим Г.Г. Шпет проводить думку про те, що історія думки є історія її здійснення, вона не мислима без існування людини, і тому – це людська історія. Думка як розумна діяльність об'єктивується в вільному творчестві інтелектуальності. Саме вона являється аристократією духу, котра здатна рефлексивувати, досягаючи таким чином історичний розум [4].

Високу значимість і актуальність зберегли думки Шпета при обґрунтуванні етнічної психології (психології народів), котрі він виклав в 1927 г. в книзі «Введення в етнічну психологію» [10]. Для визначення предмету етнічної психології Шпет вводить дуже ёмке поняття *колективні переживання*, не зводячи їх тільки до емоцій або тільки до когніцій. Зміст колективних переживаній дуже близько до того, що в науці наших днів називають ментальністю, коли розуміють її, після за французькими істориками школи «Анналов», як характерну для соціальної групи систему представлень про світ, але одночасно роблять акцент на емоційній окрашеності цієї системи світосприймання. Згідно концепції Шпета, аналізуючи продукти культури, етнічна психологія повинна виявляти типові колективні переживання, іншими словами, відповідати на питання: що народ любить, чого боїться, чому поклоняється? Соціальна психологія, котра в ХХ в. отримала розвиток як експериментальна наука, відкинула психологію народів разом з іншими

першими соціально-психологічними теоріями за «спекулятивність» методів і засобів аналізу. Але ідеї перших етнопсихологів, прежде всего ідеї В. Вундта, були підхвачені іншою наукою – культурною антропологією, встановлюючою зв'язок психології народів з культурою і внутрішнім світом людини. В своїй книзі Шпет поставив проблему дослідження національного характеру через систему знаків і виражень, котрі потребують інтерпретації, являючись таким чином шляхом об'єктивного описання душевної життя людини [11, 12]. Згадка про зв'язок психології з науками про культуру, з історією («тільки в історії людина знає самого себе») зберігає своє значення і сьогодні.

Самоопределение етнопсихологии выглядит для Шпета проблематично. С одной стороны, эта область знания ставит задачу изучения надъиндивидуальных форм, которые предопределяют языковую деятельность человека, поскольку последний принадлежит некоему этническому единству и является членом языковой общности. И в этом плане этнопсихология пытается уйти от данных индивидуальной психологии (т.е. от линии Гердера-Гумбольдта-Штейнтала). С другой же стороны, при решении этой задачи она всё же опирается на индивидуальный подход к языку и ищет индивидуального субъекта и носителя языковой деятельности, именуемого «народным духом». Для Шпета становится очевидным, что отрыв «коллективных переживаний» от социальной основы их существования в конечном счете неминуемо ведёт к изучению явлений индивидуальной психики, прикрываемого понятиями «духа нации» или «коллективной души». В определении предмета этнической психологии объектом критики Шпета является представление этнической психологии как объяснительной науки, попытка ее построения на индивидуальной психологической основе и неясность «народного духа» в качестве ее фундаментального понятия. В последнем случае проблематичность данного концепта объясняется невозможностью его процессуального изучения. В связи с этим есть лишь две возможности ее изучения: либо через объективные продукты ее деятельности, либо через ее актуализацию в конкретных индивидах. И в первом, и во втором случае интересующая Шпета наука теряет свое предметное содержание и объяснительную силу. Вот почему он предлагает в качестве предмета этнической психологии исследовать типы коллективных психологических переживаний, выраженных в языковой форме в определенном социально-историческом контексте. Коллективные переживания Шпет предлагает изучать через систему «интерсубъективных фактов», т.е. систему межсубъективных взаимодействий. Шпет убежден: мы способны понять человеческое действие лишь открывая субъективные значения акторов, связанные с их собственным поведением и поведением других людей. И в этом смысле Шпета с полным правом можно связать с социологической школой Т. Парсонса и его теорией социального действия, и с социологией П. Бурдьё в его концепции социального действия, в которой язык связан с социальным порядком через понятие «хабитуса» – набора правил социального

поведения, которые индивид получает вместе с представлениями об устройстве своего сообщества и которыми он пользуется на уровне ощущения, подсознательно, для того чтобы отличать приемлемое от неприемлемого в каждой данной ситуации.

Задачей этнической психологии для Шпета является создание «типологии духовных укладов». Коннотативное значение непосредственно связано у Шпета с понятием «типа». Этническая психология – наука типологическая. Каждая группа людей в определенную историческую эпоху, так же как и каждый этнос, по-своему воспринимают, воображают и оценивают окружающую действительность, и именно в этом отношении народа к объективному, и в частности к продуктам труда и творчества (культуре), и выражается душа этой общности. Поэтому можно сказать, что одним из главных компонентов народной души является не общность понятий или волевых усилий, но общность эмоциональных переживаний, отношений. Их психологическая составляющая появляется благодаря субъективной их интерпретации. Эмоции – важнейший инструмент в процессе присвоения культуры. Шпет фактически одним из первых заговорил о проблеме самоидентификации, одной из важнейших в современной психологической науке, причем опять-таки совершенно по-новому сопоставив процессы национальной и индивидуальной идентификации. Именно эмоциональное принятие культуры народа определяет процесс отнесения себя к данному этносу. И потому при возникновении отвержения субъект может «переменить» свой народ, «войти в состав и дух другого народа», однако этот процесс требует длительного и упорного труда и времени, так как в том случае, если происходит только внешнее усвоение нового языка, культуры или норм поведения, человек остается маргиналом, который, отойдя от одного этноса, не стал и членом другого, так как для полной идентификации себя с новым этносом необходимо эмоциональное принятие тех объективных элементов, которые составляют содержание национального самосознания. Эти идеи Шпета находят отражение в современных работах, рассматривающих этапы социализации людей, перехода из одной культуры, одного народа в другой.

Шпет стремится заострить внимание на языке как предмете общественной озабоченности и контроля, пытаясь обратить внимание на металингвистическую деятельность индивидов: стоит вспомнить борьбу за свой язык в немецком ученом мире XVII века или заботы о своем языке польского народа с конца XIX века, украинцев – в настоящее время. В этом смысле, Шпет одним из первых привлекает серьезное внимание к материалу, так называемой, «народной лингвистики» и является одним из теоретических предшественников такой традиционной социолингвистической тематики социолингвистических программ как изучения языковых оценок.

Заметной вехой жизни и деятельности Шпета стала его работа в Государственной академии художественных наук, которая возникла во второй половине 1921 г. по инициативе народного комиссара просвещения Анатолия Луначарского и действовала под эгидой Главного художественного коми-

тета Наркомпроса. Ее президентом был Петр Коган, вице-президентами — Василий Кандинский, Александр Родионов, Густав Шпет. Основной целью работы Академии было подведение твердого фундамента “позитивной науки” под теоретические исследования и изыскания, связанные с областью искусства, оживление строгой науки благодаря установке на эксперимент. В центре внимания исследователей из Академии были вопросы общей эстетики, вопросы синтеза и взаимоотношений искусств, изучение элементов и социальной природы искусства. Структуру Академии составляли автономные отделения: Физико-психологическое, Социологическое, Философское с Густавом Шпетом во главе. Со временем в рамках каждого отделения развилось много подразделений и комиссий, часто снабженных собственными органами печати и издательскими сериями. В идейной основе ГАХН лежало стремление к синтезу и поиску глобального ключа к реальному искусству на эвристическом применении понятия структуры ко всем отраслям знания и культуры. Академия являлась богатой лабораторией идей, плодотворность которых продолжалась и за хронологически ограниченными ее пределами. Она сознательно строилась как некая “афинская школа”, настоящая платоновская академия.

Интерес к эстетике связан как с общими тенденциями в развитии научного мировоззрения Шпета, так и с его работой в ГАХН. Наибольший интерес в этом плане представляет, несомненно, прочитанный им в 1926 г. в философской секции ГАХН доклад «Искусство как вид знания» [13]. Некоторые положения этого доклада развивались и в других работах Шпета, прежде всего в очерке «Проблемы современной эстетики», в книге «Внутренняя форма слова» и других. Шпет считал, что искусство является специфическим видом знания, особенности которого связаны с его эмоциональной первичностью, симпатическим пониманием, которое вызывается художественным произведением. Эмоциональная первичность, переживания, связанные с искусством, дают возможность соединить в нем саму вещь (или представление о ней) с суждением об этой вещи. Искусство является симпатической презентацией, которая даёт особый род познания – всматривание в суть вещи, понимание ее субъективности, которое предполагает и объективное познание. Передача в искусстве определенного переживания дает возможность сформировать новое понятие, которое не является чисто абстрактным, но насыщено эмоцией. Отличие искусства от логического, объективного знания в том, что его предмет не имеет реального существования, но является только знаком, при этом оно абсолютно эмпирично, дается только из личного опыта и субъективно. Таким образом, к познаваемому безусловному субъекту искусства человек приходит при помощи творческого «сопереживания, сочувствия, опирающегося на внешние экспрессивные формы произведения».

Связывая понимание искусства с понятием внутренней формы, Шпет подчеркивает, что внутренняя форма художественного произведения является отражением приемов, методов, творческого пути художника. Она является источником знания, но

знания субъективного, так как в неё вносятся жизненные идеалы, ценности данного творца. Поэтому внутренняя форма передает не абстрактное знание, но мировоззрение творца, которое вызывает соответствующие переживания у зрителей. Воспитательная ценность искусства, о которой Шпет писал во «Введении в этнопсихологию», в том, что эти переживания бессознательные и потому вызывают эмоции слушателей тогда, когда разум мог бы отвергнуть данные идеалы. Мировоззрением же внутренняя форма становится только в результате философской рефлексии, как правило, осуществляемой не слушателями, но учёными, критиками, которые дают научное обоснование субъективной фантазии, переживанию творца, переводя искусство в ранг понятий и тем самым изменяя его природу.

Однако ценность искусства как такового именно в том, что при помощи внутренней формы слушатель как бы соединяется с творцом, непосредственно соприкасается с ним, утверждая и свое, и его бытие через «сочувствие», сердечное единение и творческое сопереживание. Шпет подчеркивает, что искусство вызывает именно общие эмоции, т.е. внутренняя форма не заставляет повторять творческий процесс, но эмоционально заражает состоянием художника его слушателей. Это эмоциональное заражение и заставляет зрителей отождествлять творца с его произведениями, так как образ, полученный в результате чтения, слушания музыки, разглядывания картины или игры на сцене, не рефлексировается зрителями, не осознается ими. Поэтому у зрителей и нет возможности дифференцировать позицию художника, выраженную в конкретном произведении, от его взглядов как реального человека. Этим феноменом можно объяснить факт, который отмечали многие поэты, художники, актеры, жалуясь на то, что читатели, зрители все то, что пишет о себе поэт в стихах, немедленно относят к нему самому и осуждают или сочувствуют ему в его переживаниях, не веря, что они только придуманы. Это же, в еще большей степени, относится и к актерам, которые вызывают данные переживания не только при помощи текста, но и при помощи пластики, жеста, собственного тела, с которыми и сливается внутренняя форма и эмоциональное переживание, полученное от данного образа.

Таким образом, с точки зрения Шпета, художественное произведение есть выражение самосознания творца, в котором он видит и познает сам себя. Мы входим в самосознание творца при восприятии его произведения, участвуем в нём, сочетаем своё самосознание с его в единстве «самочувства», т.е. через эмоции осуществляется формирование единой самости творца и зрителя, а не просто снятие напряжения или формирование эмоции ритма, облегчающей входение в группу. Именно через эту общность мировоззрения искусство и становится знанием, но не самого творца, но того имиджа, которое он раскрывает в данном произведении. Поэтому искусство не является переводом, но является самостоятельным продуктом духовной жизни как творца или слушателя, так и народа в целом.

Искусство может помочь в формировании нового самосознания, так как, отдаваясь наслаждению,

человек бессознательно и произвольно преобразуется, и у него формируется новое мировоззрение, новые идеалы. При этом формируется собственно культурное сознание человека, так как, созная и наслаждаясь культурным произведением, человек становится и осознает себя как культурное существо. Так вызываемые культурой «социальные эмоции» помогают социализации человека, регулируя процесс его входения в тот социум, который его окружает [13]. Шпет опять возвращается к мысли, высказанной им во «Введении в этническую психологию», о том, что через особенности национальной культуры можно понять не только законы искусства, но и специфику национальной души, национальных эмоций, которые, отражаясь в культуре, показывают отношение народа к тем или иным нормам, эталонам. При этом искусство становится специфической формой психологического знания, а психология, которая помогает вскрыть и понять причину этих особенностей, – методом искусствознания, но не методологией, которая может быть только философской.

Продолжая эту тему в статье «Проблемы современной эстетики», Шпет пишет о том, что психология может дать эстетике необходимый метод для понимания того, что лежит за данным знаком, за предметом эстетики, в его отличии от реального вещественного предмета. В то же время методологией и психологией, и эстетикой должна стать философия, которая бы показала, в каком контексте используются и понимаются полученные данные. Таким образом эстетика и психология как эмпирические науки дополняют друг друга, давая возможность обогатить полученные данные, в то время как философия объясняет эти данные.

Возвращаясь к проблеме духовности, разработка которой была начата им еще во «Внутренней форме слова», Шпет подчеркивает, что духовность в большей степени отражает реальность и реальное состояние мира, чем сам мир, быт, так как в ней закодировано отношение людей к этому миру, «овнешненное» в предметах культуры – картинах, архитектуре, музыке, и, особенно, языке. Именно поэтому культура и связана с психологией, но не своими объективными выражениями, а своей субъективной частью. Шпет подчеркивает, что искусство есть знак, который отражает суть конкретного предмета в данной культуре, то есть знак, передающий отношение людей данной культуры к определенному предмету или норме. Отвлекаясь от культуры, мы получаем просто вещественный предмет, пишет он, приводя в пример письма Толстого, которые для людей другой культуры могут быть просто средством для растопки, так же как любой другой кусок бумаги, но в нашей культуре являются носителями духовности, этических заповедей. Таким образом, подчеркивает он, искусство есть орудие, которое указывает на особый смысл, функцию данного предмета, это «знаки, самодовлеющего бытия не имеющие, но указующие на таковое и через это приобретающие собственное значение». Таким образом, Шпет приходит к мысли о том, что искусство, как и речь, может быть методом исследования психических особенностей человека, причем тех его духов-

ных качеств, которые определяются и проявляются в социальном контексте.

Несмотря на то что Шпет не успел осуществить многие из своих научных замыслов, он явился заметной фигурой в отечественной психологии начала века. Многие его открытия не нашли еще своего места в современной науке, прежде всего важнейшее положение Шпета о межкультурных связях. Методология, которую он разрабатывал (хотя, к сожалению, и не довел до конца эту работу), предполагала исследование социального бытия в виде системы, в которой живет и развивается человек, а потому соединяла в единое целое науку, искусство и природу. В то же время его концепция межпредметных связей (прежде всего между гуманитарными и естественными науками) приобретает сейчас все большее значение. Несомненно и то, что многие исследования и в психолингвистике, и в области этнопсихологии (в том числе исследование социальных эмоций, аккультурации) в настоящее время испытывают сильнейшее влияние идей, выдвинутых Шпетом [8].

Директор Института философии РАН А.А.Гусейнов говорил на второй встрече, посвященной 130-летию со дня рождения Г.Г. Шпета: «Шпет – очень важное имя и для нашего Института, и для всей отечественной философии. Институт философии был создан в 1929 году путем объединения философской секции Комакадемии и Института научной философии, основанного Шпетом в 1921 году. Именно со шпетовским – научно-исследовательским – началом Института философии связаны его основные достижения. Шпет последовательно придерживался идеала научной рациональности, отстаивал профессиональное достоинство философии. Философский ландшафт России последнего двадцатилетия в значительной, быть может, даже в решающей мере определяется возвращением к нам русской религиозной философии, прежде всего философии В.С. Соловьева и его школы. Религиозная философия была плодотворной и преобладающей тенденцией русской философии конца XIX – начала XX века. Преобладающей, но не единственной. Без другой линии, замечательным образом представленной творчеством Шпета, без философских опытов, ориентированных не на религию, а на науку, на выявление специфики самой философии как науки, культивирование ее собственного языка, плодотворный диалог с западноевропейской философией, – без этой другой

линии картина истории отечественной философии предстает неполной, односторонней» [14].

Выводы

Творчество Густава Шпета в самом широком тематическом диапазоне от феноменологии и герменевтики до этнопсихологии и теории искусства оказалось очень созвучно общей тональности идей XX века, хотя ему удалось прожить лишь треть этого драматического века. Всякий, кто обращается к его разнообразному, интеллектуально насыщенному наследию, находит в нем свежесть мысли, нетривиальность аргументации, стремление к диалектическому синтезу противоположностей

Список литературы

1. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. – М.: Гермес, 1914. – 220 с.
2. Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть первая. Материалы / Г.Г. Шпет. / Отв. ред.-составитель Т. Г. Щедрина. — М.; СПб.: Университетская книга, 2014. — 510 с.
3. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В.Г. Кузнецов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 192 с.
4. Щедрина Т.Г. Методологические особенности философии истории Г.Г. Шпета. / Т.Г. Щедрина / Автореф. дис. канд. филос. н. – Владивосток, 2000. – С. 15.
5. Щедрина Т.Г. Философско-методологический проект Густава Шпета / Т.Г. Щедрина. Дис. д. филос. н. 09.00.03. – М., 2003. – 260 с.
6. Кузнецов В.Г. Шпет Густав Густавович / В.Г. Кузнецов. // Алексеев П.В. Философы России XIX – XX столетий. Биографии, идеи, труды. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 1101-1103.
7. Абушенко В.Л. Шпет Густав Густавович / В.Л. Абушенко. // Всемирная энциклопедия: Философия / Гл. ред., сост. Грицанов А.А. – М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 1235-1236.
8. Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 464 с.
9. Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды / Г.Г. Шпет. / Отв. ред.-составитель Т. Г. Щедрина. — М.: РОССПЭН, 2005. — 688 с.
10. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. / Г.Г. Шпет. – СПб.: Алетейя, 1996. – 156 с.
11. Марцинковская Т.Д. Густав Густавович Шпет – жизнь как проблема творчества / Т.Д. Марцинковская. // Психологические исследования (Электрон. науч. журн.). – 2009. – N 2 (4) // URL: <http://psystudy.ru>
12. Шпет Г.Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды / Г.Г. Шпет / Отв. ред.-составитель Т. Г. Щедрина. — М.: РОССПЭН, 2006. — 624 с.
13. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Г.Г. Шпет. / Отв. ред.-составитель Т. Г. Щедрина. — М.: РОССПЭН, 2007. — 712 с.
14. Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. К 130-летию Г.Г. Шпета. Встреча вторая (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 3-39.

В. Онопрієнко

ГУСТАВ ШПЕТ: ВНЕСОК В ФІЛОСОФІЮ, ЕТНОПСИХОЛОГІЮ, МЕТОДОЛОГІЮ ГУМАНІТАРИСТИКИ.

Розглянуто деякі ідеї і концепції з великого доробку трагічно загинувшого російського філософа Г.Г. Шпета (1879-1937).

Ключові слова: герменевтика, феноменологія, етнопсихологія, філософія історії, філософія мистецтва, гуманітарні науки.

V. Onopriyenko

GUSTAV SHPET: CONTRIBUTION TO PHILOSOPHY, ETHNO-PSYCHOLOGY, METHODOLOGY OF HUMANITARISTICS

Some ideas and concepts from the vast heritage of G. Shpet (1879-1937), the Russian philosopher who died tragically, have been analyzed.

Keywords: hermeneutics, phenomenology, ethno-psychology, philosophy of history, philosophy of art, humanities.